

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/02>

Гуц Е.Н., Иванова Е.Д.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ *СТРАХ* И *УЖАС*

Аннотация. Современная лингвистика характеризуется антропоцентризмом, в центре ее исследовательского внимания находятся вопросы о человеке, его языковой картине мира, частью которой является эмоциональная модель мира. Данная статья посвящена изучению вербализации таких базовых эмоций, как *страх* и *ужас*. Предмет исследования – особенности базовых эмоций *страх* и *ужас* в современном русском языке. Работа выполнена на материале Национального корпуса русского языка. Цель работы – выявление и определение особенностей вербализации эмоций *страх* и *ужас* в современном русском языке. Актуальность исследования обусловлена неизбежной зависимостью каждой сферы жизни человека от его эмоционального состояния. Несмотря на обширное изучение эмоций психологией, психолингвистикой, лингвистикой, в этом исследовательском поле остается еще много нерешенных задач, нерассмотренных проблем, недоказанных гипотез. Материалы Национального корпуса русского языка дают большие возможности для изучения вербализации эмоций носителями русского языка в текстах различных жанров и стилей, что позволяет выйти на новый уровень исследования. Особенность изучения эмоций обнаруживается в многообразии языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологические конструкции и определенную сочетаемость. Новизна исследования состоит в том, что сравнительно-сопоставительный анализ вербализации базовых эмоций *страх* и *ужас* выполнен на материале Национального корпуса русского языка. В ходе работы использовались следующие методы: описательный, предполагающий анализ как теоретического, так и эмпирического материала, обобщение и интерпретация полученных результатов; компонентный анализ; метод интроспекции; сравнительно-сопоставительный и статистический методы. Практическая значимость проведенного исследования обусловлена тем, что его материалы и выводы могут быть использованы в вузовских курсах лексикологии, лексикографии, психолингвистики.

Ключевые слова: эмоции; базовые эмоции; эмоциональная картина мира; Национальный корпус русского языка; сравнительно-сопоставительный метод.

Сведения об авторах: Гуц Елена Николаевна, ORCID: 0000-0003-1604-6575, д-р филол. наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия, г. Омск, egoots@yandex.ru; Иванова Елена Дмитриевна, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия, г. Омск, elenandl@yandex.ru

Goots E.N., Ivanova E.D.

VERBALIZATION OF BASIC EMOTIONS ON THE MATERIAL OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VERBALIZATION OF EMOTIONS FEAR AND HORROR

Abstract. Modern linguistics is characterized by anthropocentrism, in the center of its research attention are questions about a person based on his integrity and exclusivity. This article is devoted to the study of the verbalization of such basic emotions as *fear* and *horror*. The subject of the research is the features of the basic emotions of *fear* and *horror* in the modern Russian language. The work was carried out on the basis of the material of the National Corpus of the Russian Language. The purpose of the work is to identify and define the features of the verbalization of emotions *fear* and *horror* in the modern Russian language. The relevance of the study is due to the inevitable dependence of every sphere of a person's life on his emotional state. Despite the extensive study of emotions by psychology, psycholinguistics, linguistics, a number of questions remain in this problem. The materials of the Russian National Corpus provide great opportunities for studying the verbalization of the emotions of a native speaker of the Russian language in various genres and styles, which allows reaching a new level of research. The peculiarity of the study of emotions is found in the variety of linguistic means of their expression, which include the appropriate vocabulary, phraseological constructions and a certain compatibility. The novelty of the research lies in the fact that the comparative analysis of the verbalization of the basic emotions of *fear* and *horror* is carried out on the basis of the material of the National Corpus of the Russian language. In the course of the work, the following methods were used: descriptive, involving the analysis of both theoretical and empirical material, generalization and interpretation of the results obtained; component analysis; introspection method; comparative and comparative and statistical methods. The practical significance of the study is due to the fact that its materials and conclusions can be used in university courses in lexicology, lexicography, psycholinguistics.

Keywords: basic emotions; emotional picture of the world; National corpus of the Russian language; comparative method.

About the authors: Goots Elena Nikolaevna, ORCID: 0000-0003-1604-6575, Doctor of Philology, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russia, Omsk, egoots@yandex.ru; Ivanova Elena Dmitrievna, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russia, Omsk, 89620574159; elenandl@yandex.ru

Гуц Е.Н., Иванова Е.Д. Вербализация базовых эмоций на материале национального корпуса русского языка: сравнительно-сопоставительный анализ вербализации эмоций *страх* и *ужас* // Нижневартовский филологический вестник. 2021. № 2. С. 13-22. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/02>

Goots, E.N., & Ivanova, E.D. (2021). Verbalization of Basic Emotions on the Material of the National Corpus of the Russian Language: Comparative Analysis of the Verbalization of Emotions Fear and Horror. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 13-22. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/02>

Эмоции являются неотъемлемой частью жизни человека. Они уникальны и поразительны в богатстве своих проявлений, «сопровождают познание, мотивируют и облегчают его» (Шаховский 2016:9), являются «центральным конституентом человеческой психики и речепорождения» (там же: 23). Лингвистика эмоций, или эмотивная лингвистика, – сравнительно молодая отрасль антропоцентрической лингвистики. Центральной и основополагающей категорией в понятийно-терминологическом аппарате эмотивной лингвистики является категория эмотивности, которая представляет собой «содержательно-структурное единство, отображающее знания о совокупности эмоций в национальной языковой картине мира, репрезентируемых системой языковых средств» (Бабенко 2017: 108). При изучении вербализации базовых эмоций важен и постулат психолингвистики, сформулированный А.А. Залевской: «Жизнь слова как достояния человека, познающего мир, чувствующего, мыслящего и эмоционально-оценочно переживающего все воспринимаемое, напрямую связано с тем, что лежит за словом в памяти индивида как члена социума» (Залевская 2014: 9).

Толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова содержит определение эмоции как «субъективных реакций человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей» (Кузнецов 2000: 1522). В психологии эмоция понимается как измененное или особое состояние сознания, способное взаимодействовать с другими состояниями человека или же существовать независимо, относительно автономно (Изард 1980). Е.П. Ильин в работе «Эмоции и чувства» (Ильин 2018: 69) рассматривает различные основания для классификации эмоций. Одно из них принадлежит П.В. Симонову (цит. по Ильин 2018) и связано с потребностями, влекущими за собой появление эмоций. Согласно данной концепции, эмоции делятся на базовые (первичные) и интеллектуальные (вторичные). Именно базовым эмоциям посвящено данное исследование.

В соответствии с классификацией, разработанной К.Е. Изардом, принято относить к базовым эмоциям следующие: интерес-возбуждение, радость, удивление, горе-сострадание, гнев-ярость, отвращение-омерзение, презрение-пренебрежение, страх-ужас, стыд-застенчивость, вина-раскаяние (Изард 1980).

Целью данной работы является выявление и определение особенностей вербализации базовых эмоций на примере сравнения *страха* и *ужаса*.

Исследование было проведено на основе публицистических материалов Национального корпуса русского языка. Поиск велся по подкорпусу объемом в 89 961 документ, 7 990 843 предложения, 108 127 689 слов. Найдено было 2 216 документов, 5 190 вхождений по лексеме *страх*, а также 1 729 документов, 3 755 вхождений по лексеме *ужас*.

Было проанализировано 100 примеров употребления лексемы *страх* и 100 примеров употребления лексемы *ужас*. Языковые единицы включают слова, словоформы, а также минимальный контекст (словосочетания и предложения), в котором раскрываются особенности вербализации *страха* и *ужаса*.

В ходе работы было выделено пять параметров, на основе которых выполнялось сравнение вербализации эмоций *страха* и *ужаса*:

1. «Определения эмоций» – «*страх* какой?» и «*ужас* какой?»
2. «Деятельность эмоции» – «что делает *страх*?» и «что делает *ужас*?»
3. «Проявление эмоции» – «как проявляется *страх*?» и «как проявляется *ужас*?»
4. «Носитель эмоции» – «*страх* чей?» и «*ужас* чей?»
5. «Причина» – «*страх* чего?» и «*страх* за что (кого)?»; «кто (что) вызвал (вызвало) *ужас*?»

На первом этапе работы были определены дефиниции лексем *страх* и *ужас* по толковым словарям (Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова 2000 г.; Малый академический словарь (МАС) 1999 г.; Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой 1996 г.; Толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой 2001 г.). Составители словарей в определении *страха* сходятся в понимании его как боязни, душевного волнения. Дефиниция *ужаса* (сильного чувства страха) в словарях дается через понятие *страх*, что связано с большей степенью интенсивности эмоции *ужаса* в сравнении со *страхом*, поскольку в лексическом значении *страха* уже содержится сема «сильный».

Например, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова даны следующие дефиниции:

Страх – это «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т.п.; боязнь» (Кузнецов 2000: 1277).

Ужас – это «чувство, состояние очень сильного испуга, страха перед чем-л. необыкновенно страшным» (Кузнецов 2000: 1376).

Параметр «определения эмоций»

Страх и *ужас* обусловлены в большей степени непосредственным ощущением, чем интеллектуальной оценкой. Их природный характер отражен в подгруппе «**природная обусловленность**». Определения *дикий страх*, *инстинктивный страх*, *животный ужас* имеют общие семы «физиологический», «естественный».

Подгруппа «**необъяснимость и сверхъестественность**» связана с пониманием причин возникновения эмоций. Так, к определениям, передающим невозможность логического обоснования, относится шесть языковых единиц с лексемой *страх* и только одна языковая единица с лексемой *ужас* (*необъяснимый страх*, *иррациональный страх*; *безотчетный ужас*). К определениям, связанным с объяснением через потусторонний мир, напротив,

относится три определения *страха* и пять определений *ужаса* (*суеверный (3) страх; священный ужас, сакральный ужас, мистический ужас (2)*).

Семантическая наполненность компонентов подгрупп **«интенсивность эмоции, восприятие в пространстве и времени»** и **«интенсивность эмоции и ее охват»** различается в большей степени, чем в подгруппах **«природная обусловленность»** и **«необъяснимость и сверхъестественность»**. Если *страх* характеризуется оценкой во времени (*постоянный, давний*) и в пространстве (*огромный, глубокий*), то *ужас* характеризуется распространённостью более чем на одного человека (*всеобщий ужас, тотальный ужас*). Однако общим признаком является представление эмоций как негативных и враждебных сил, и градация их по интенсивности (*безопасный страх, мучительный страх, жестокий страх, панический страх, настоящий ужас (2), непереносимый ужас, адский ужас*).

Определения *страха* и *ужаса* формируются в индивидуальные **подгруппы метафор**. Так, для определений *страха* характерны **метафоры телесного состояния** (*леденящий душу, сдавливающий, парализующий*) и **метафоры цвета и тактильного ощущения** (*бледный, липкий (2)*), а для определений *ужаса* – **звуковая метафора**, выраженная устойчивым сочетанием *тихий ужас*.

Параметр «деятельность»

Параметр «деятельность» содержит языковые единицы, отражающие воздействие *страха* и *ужаса* на человека.

В одних случаях *страх* и *ужас* напрямую воздействуют на человека. Языковые единицы формируют подгруппу **«внешнее воздействие»**. Эмоция либо руководит человеком (*страх заставил меня пойти на большие риски*), либо стремится настичь человека (*подгонял, страх подстерегал*), либо берёт человека под свой контроль (*обуял страх, страх душил меня три недели; охваченный ужасом, объятая ужасом плоть*).

В других случаях языковые единицы, содержащие лексемы *страх* и *ужас*, образуют подгруппу **«внутреннее воздействие»**: *страх засел крепко; с зажатым ужасом сердцем*). Для данной подгруппы характерна образность: *страх сверкнул в глазенках* – сравнение с пугающим природным явлением молнии, *страх вползает в душу* – соотнесение движения страха с движением неприятных для человека ползучих существ, *по телу расплывается ужас* – сравнение *ужаса* с чем-то медленным и всепоглощающим.

Подгруппа, в которой эмоции **непосредственно не воздействуют на человека**, отражает самостоятельную активность *страха* и *ужаса*, направленную на само чувство, что предстаёт в виде определенного цикла существования: появление (*страх возникает, страх примешивается*), развитие (*страх рос*), распространение (*начал царить ужас, страх воцарился*), деятельность (*страх вызвал*), достижение предела (*страх достигает апогея*) и завершение деятельности (*страх исчез*).

Параметр «проявление»

Общим принципом распределения материала по подгруппам для параметров «проявление *страха*», «проявление *ужаса*» является отношение к состоянию субъекта: воздействует ли он с целью возникновения эмоции или же испытывает эту эмоцию.

На этой основе было выделено две подгруппы:

подгруппа «**проявление *страха* / *ужаса* через воздействие субъекта**» содержит языковые единицы, которые выступают в роли субъекта, способствующего возникновению *страха* или *ужаса*, но не испытывающего его;

примеры подгруппы «**проявление *страха* / *ужаса* через состояние субъекта**» отличаются тем, что действующим является лицо, испытывающее *страх* или *ужас*.

Сближает содержание параметров «проявление *страха*» и «проявление *ужаса*» сочетание лексем *страх* и *ужас* с базовой лексикой, например, с глагольными синонимическими рядами: беспокоиться, бояться, сердиться, стыдиться, гордиться (Апресян 1995: 367). Языковые единицы были сгруппированы в зависимости от наличия сем, характерных и для сочетаний с лексемой *страх*, и для сочетаний с лексемой *ужас*:

1) «направление эмоции», «доведение эмоции до объекта»: *наводило страх, нагоняли страх; наводили ужас;*

2) «погружение в состояние *страха*, *ужаса*», «доведение объекта до состояния *ужаса*»: *вповергла в неописанный страх; приведет тебя в адский ужас;*

3) «внедрение чувства»: *вдохнула в душу страх смерти, вселять ужас, вселяло ужас;*

4) «нахождение в состоянии *страха*, *ужаса*»: *испытывала страх, впала в ужас.*

Среди примеров, соответствующих параметру «проявление *ужаса*» можно выделить следующие подгруппы:

– «**метафоры телесного состояния**»: для них характерно не только указание на холод (*похолодел от ужаса, кровь застыла от ужаса*), но и на сопутствующие симптомы: вызванную им дрожь (*содрогнуться от ужаса, мурашки по телу от ужаса*), состояние ступора, неподвижности (*оцепенелый от ужаса, внутри все обмерло от ужаса*);

– «**метафоры создания образа**»: *ужас* не просто предстаёт в качестве абстрактной сущности, а получает выражение в более конкретных образах; метафора *чёрные крылья ужаса распростёрлись на некоторое время над комнатой*, с одной стороны, переносит на *ужас* свойство живого – возможность иметь крылья (подобно птице), с другой – передает величину занятого *ужасом* пространства, сопоставимого с размахом крыльев; важен и чёрный цвет этих крыльев, поскольку отрицательные эмоции концептуализируются как тёмные; метафоры *сверкающая молния ужаса* и *обдаёт душу волной ужаса* объединяет сравнение *ужаса* с угрожающими природными явлениями;

– «**проявление *ужаса* через элементы внешности**»: показывает, что во власти *ужаса* оказывается не только сознание и физические способности, но и внешний облик человека; наиболее частым средством отображения *ужаса* стали глаза: *глазами ужаса озирается эта*

душа, в глазах его метался ужас. Ужас уродует черты лица: искаженные ужасом лица, а также воздействует на волосяной покров: фразеологизм *волоса встанут дыбом от ужаса*.

Параметр «носитель»

Местоимения образуют подгруппу как в границах параметра «носитель *страха*», так и в границах параметра «носитель *ужаса*». Данная подгруппа представлена косвенными формами личных местоимений (*меня, его, нас; мы, меня*). Среди группы «носитель *страха*» отмечены также притяжательные местоимения (*свой, его*).

Существительные образуют подгруппы в границах параметров «носитель *страха*» и «носитель *ужаса*».

Объединение языковых единиц возможно в зависимости от следующих признаков, общих для групп «носитель *ужаса*» и «носитель *страха*»:

социальный (*к страху: в семье поселился, в Университете поселился страх; к ужасу: пеших воинов, матросов, большинство специалистов, астронавтов, зрители, преступников*);

территориальный (*к страху: люди у магазина, жители окрестных деревень; к ужасу: Ленинград, оцепенелый от ужаса*).

Только для группы «носитель *страха*» характерны признаки:

возрастной (*всех детей и некоторых взрослых, вызывал у детей*);

политико-идеологический (*страх среди упорных поборников нигилизма, приближенных, и у народа, и у власти*).

Отметим, что *страх* характерен и для животных? (*люди? и животные, хищники?*), что не отражено в языковых единицах, связанных с лексемой *ужас*.

Параметр «причина»

Группа, отвечающая параметру «причина *страха*» состоит из двух подгрупп: *страх* за что-либо (кого-либо) и *страх* чего-либо (перед чем-либо). В первой подгруппе причиной *страха* выступают опасения насчёт состояния здоровья людей и целостности предметов. Во второй подгруппе *страх* обусловлен переживаниями за жизнь и здоровье. Группа, отвечающая параметру «причина *ужаса*» также состоит из двух подгрупп. В первой подгруппе причина *ужаса* выступает в качестве субъекта (*в больший ужас повергал тот самый запах; кровавый дождь, нагнавший ужас; готика и мрак наводили ужас; растущий объем фиктивных денег внушает ужас; полиция внушает ужас; ужас смерти мобилизовал дар*), а во второй – в качестве объекта (*испытывают ужас при виде насекомых; приходим в ужас от терактов в Москве; чувство ужаса от разгула террора; от ужаса смерти*).

Заключение

Среди 100 примеров употребления *страха* было выделено 180 языковых единиц, среди 100 примеров употребления *ужаса* – 125 языковых единиц.

Представим результаты подсчёта процентного соотношения языковых единиц, отвечающих параметрам анализа *страха* и *ужаса*:

– «определения *страха*» – 26,7% (48 языковых единиц) и «определения *ужаса*» – 21,6% (27 языковых единиц);

– «деятельность *страха*» – 23% (42 языковые единицы) и «деятельность *ужаса*» – 5% (9 языковых единиц);

– «проявление *страха*» – 13,3% (24 языковые единицы) и «проявление *ужаса*» – 44,8% (56 языковых единиц);

– «носитель *страха*» – 13,9% (25 языковые единицы) и «носитель *ужаса*» – 18,4% (23 языковые единицы);

– «причина *страха*» – 22,8% (41 языковая единица) и «причина *ужаса*» – 8% (10 языковых единиц).

Наиболее многочисленными группами, характеризующими *страх* и его особенности, стали группы «определения *страха*», «деятельность *страха*», а также «причина *страха*».

Процентное количество языковых единиц групп «определение *страха*» (26,7%) и «деятельность *страха*» (23%) отражает необходимость употребления дополнительных средств для описания данной эмоции. Различные определения помогают наиболее полно раскрыть характер переживания, а олицетворения позволяют создать образ устрашающей сущности. Таким образом, передаваемая эмоция *страха* становится более яркой и пронзительной.

Среди групп, отражающих особенности вербализации *ужаса*, доминирующей стала группа «проявление *ужаса*». В отличие от *страха*, *ужас* является эмоцией более интенсивной, поэтому и усиление с помощью названных средств применяется значительно реже. Важным для выражения *ужаса* стало описание его проявления. Именно тесная связь проявления *ужаса* с психологическими и физическими реакциями человека (*внутри все обмерло от ужаса, кровь застыла от ужаса, дрожащим от ужаса голосом; от ужаса застыл как вкопанный*), с его восприятием (*чёрные крылья ужаса распростёрлись на некоторое время над комнатой*) позволяет целостно передать враждебную, всеобъемлющую сущность *ужаса*.

Таким образом, для параметров «определения *страха*» и «определения *ужаса*» характерным является выделение подгрупп, отражающих природный характер эмоции, стремление носителя языка объяснить возникновение эмоции, показать её интенсивность, охват и воздействие, а также использование метафор, выражающих отношение к идее света, цвета и тактильного ощущения.

Для *страха* в большей степени характерно пространственно-временное описание, а для *ужаса* – описание охвата. И *страх*, и *ужас* обусловлены чувственным восприятием. Данные эмоции концептуализируются как тёмные или тусклые. Состояние, характерное для *страха* и для *ужаса*, сравнивается с ощущением холода. Метафоры отмечены и в группе

«проявление», что позволяет сделать вывод о большей художественной выразительности вербализации *ужаса* в сравнении со *страхом*.

Рассматривая особенности вербализации в аспекте параметра «деятельность», мы сделали выводы о большей важности данного параметра для описания *страха*, нежели *ужаса*. Для последнего ключевым в понимании стал параметр «проявление». Внутри группы «деятельность» были выделены две подгруппы: первая подгруппа отражает непосредственное воздействие *страха* на человека, вторая подгруппа – самостоятельную активность эмоции, направленную на саму эмоцию. Группа параметра «проявление» разделена на две подгруппы: «проявление *ужаса* через воздействие субъекта» и «проявление *ужаса* через состояние субъекта». Лексема *ужас* в данных подгруппах сочетается с базовой лексикой, сгруппированной в зависимости от наличия сем.

В основу анализа группы «носитель *ужаса*» было положено разделение языковых единиц в зависимости от соответствия одному из критериев: социальному, территориальному, возрастному или политико-идеологическому. В отличие от примеров группы параметра «носитель *страха*», включающей как людей, так и животных, носителями *ужаса* в исследуемом материале выступают исключительно люди.

Группа, отвечающая параметру «причина *страха*», состоит из двух подгрупп: *страх* за что-либо (кого-либо) и *страх* чего-либо (перед чем-либо). В первой подгруппе причиной *страха* выступают опасения насчёт состояния лиц и предметов. Во второй подгруппе *страх* обусловлен переживаниями за жизнь и здоровье. Группа, отвечающая параметру «причина *ужаса*», также состоит из двух подгрупп. В первой подгруппе причина *ужаса* выступает в качестве субъекта, а во второй – в качестве объекта.

Подводя итоги изучения, отметим, что преобладание чувственной сферы восприятия над интеллектуальной оценкой выражено в характере определений, используемых носителями языка. Метафоризация способствует передаче интенсивности эмоций. Важным средством вербализации эмоции становится и персонификация *страха* и *ужаса*. Сочетаемость лексем *страх* и *ужас* с базовой лексикой (глагольными рядами) создаёт пространство возможного и вероятного способа проявления эмоции. Таким образом, исследование специфики базовых эмоций стремится к обнаружению потенциально единой «наивной модели мира» (Апресян 1995: 373), включающей эмоциональную сферу человека.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

Бабенко Л.Г. Роль оценочного фактора в формировании концептуального поля эмотивности в художественном тексте // Жизнь языка в культуре и социуме – 6: Материалы конференции. М.: Канцлер, 2017. С. 108-109.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2003. 1536 с.

- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001. 863 с.
- Изард К.Е. Эмоции человека / Под ред. Л.Я. Гозмана, М.С. Егоровой. М.: МГУ, 1980. 439 с.
- Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
- Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М., Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996. 928 с.
- Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. 797 с.
- Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград, 2016. 504 с.

REFERENCES

- Apresyan, Yu.D. (1995). Izbrannye trudy. T. II., In Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya, Moscow. (in Russian).
- Babenko, L.G. (2017). Rol' otsenoch'nogo faktora v formirovaniy kontseptual'nogo polya emotivnosti v khudozhestvennom tekste. In Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume – 6: Materialy konferentsii. Moscow, 108-109. (in Russian).
- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka (2003). Gl. red. S.A. Kuznetsov, St. Petersburg. (in Russian).
- Efremova, T.F. (2001). Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka. Moscow.
- Izard, K.E. (1980). Emotsii cheloveka. Moscow. (in Russian).
- Il'in, E.P. (2001). Emotsii i chuvstva. St. Petersburg. (in Russian).
- Zalovskaya, A.A. (2014). Chto tam – za slovom? Voprosy interfeisnoi teorii znacheniya slova. Moscow., Berlin. (in Russian).
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N.Yu. (1996). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Moscow. (in Russian).
- Slovar' russkogo yazyka (1999). Pod red. A.P. Evgen'evoi, Moscow. (in Russian).
- Shakhovskii, V.I. (2016). Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii. Volgograd. (in Russian).

© Гуц Е.Н., Иванова Е.Д., 2021